

АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXVIII
ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА

ЦЕНТР «ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

1994

Н. Г. Пчелин, М. И. Озерова

ФРАНЦУЗСКИЕ КИТАЕВЕДЫ Ж. БУВЭ И А. ГОБИЛЬ

Влияние миссионерских организаций Европы, в первую очередь миссии иезуитского ордена в Пекине, на дипломатию и культуру позднесредневекового Китая было достаточно заметным.

Миссионерство — фактор колониального проникновения — имело позитивный характер в условиях феодального Китая, где душилось все, что не укладывалось в рамки ортодоксального конфуцианства; работа монахов-иезуитов по созданию школ, пропаганде естественных наук и другая их деятельность вносила крупный вклад в сознание китайца, культуру и общественную жизнь этой страны. Они вели значительную работу по изучению Китая и по ознакомлению китайцев с достижениями европейской науки, открывали новые церкви, обучали китайцев европейским языкам, гравировке на меди, перспективе в живописи и многому другому, что помогало пропаганде христианства.

В начале своего правления маньчжурские правители охотно привлекали на службу западных миссионеров — специалистов в области военного дела, астрономии, математики, картографии и других наук, а также принимали папских легатов из Ватикана (в 1705, 1720, 1725 гг.). Позднее императоры Юн-Чжэн и особенно Цянь-Лун перешли к политике ограничения миссионерской деятельности, завершившейся к началу XVIII в. изгнанием католических миссионеров из Китая. Таким образом маньчжуро-китайское правительство пыталось избежать серьезных политических осложнений, которые могли возникнуть в результате активного вмешательства миссионеров во внутренние дела империи.

Практическая деятельность миссионеров иезуитского ордена сильно отличалась от методов проповеди христианства в Китае монахами других орденов и была наиболее успешной. Иезуиты пытались примирить христианство и конфуцианство, как можно понятнее объясняя китайцам значение и смысл различных христианских терминов, обычаев и культов. Они использовали для этого более понятные для китайцев

термины из уже китайского буддизма, искали и находили приближенные или надуманные параллели в самом конфуцианстве. Впоследствии это направление получило название "фигуризма". Миссионеры "фигуристы" — отцы Бувэ и Премар и др., а также поддерживавшие их ученые Франции пытались идентифицировать исторические и мифологические персонажи китайской истории с персонажами Библии. Один из активных противников фигуризма, Антуан Гобиль в письме известному французскому просветителю Фрерэ от 28 октября 1733 г. подчеркивает, что ему "очень нравится данное этим знаменитым философом название методу фальсификации истории и философии Китая и что чем больше в Европе будут изучать язык и культуру великого Китая, тем быстрее поймут, что система фигуристов абсолютно не выдерживает критики"[1].

Миссионеры-иезуиты находились в Китае в полной зависимости от императора и сознательно шли на всемерную идеализацию маньчжурского режима, очень далекую от истинного положения вещей. В книгах для обыкновенного европейского читателя они сравнивали правление маньчжурского императора Кан-си с "блестящим веком" "короля-солнца" Людовика XIV. При этом иезуиты особенно подчеркивали "божественный" характер власти маньчжурских императоров, соединившей в себе собственно светские и религиозные функции.

Назовем имена таких, как Парренин, Бувэ, Кеглер, Майлак, Галлерштейн, Сибо, Премар, Гобиль, которые, заметим, состояли почетными членами Парижской и Санкт-Петербургской Академии наук и членами некоторых западноевропейских научных обществ.

Успешно работали и такие ученые, как Шансомэ, Вусэль, Манмеди, Энкарвиль, Бенуа, Тэбо, Аттире, Дэ Броссар, Руссэ, Карме, Анджело де Борджо Сан Серо, Кастильоне, Домаскен, Луи Пуаро, Игнатус Штикельпарт и многие другие.

О деятельности каждого из них можно много и долго рассказывать. Это были замечательные ученые своего времени. И каждый в своей области много сделал для науки, для изучения Китая. Достаточно упомянуть, что среди их близких друзей были Галилей и Кешлер — известные астрономы.

Объектами настоящего исследования явились родоначальники двух направлений в изучении Китая во Франции. Ж. Бувэ и А. Гобиль посвятили всю свою жизнь научным изысканиям в Китае. Но ими были избраны разные пути осмысления полученных сведений. Ж. Бувэ и его последователи решились использовать текст Библии для облегчения понимания европейцами необъятной культуры изучаемой страны. А. Гобиль, живший позднее, отверг полностью методы "фигуристов", в том числе и Ж. Бувэ, и обратился к постижению своеобразия и сложной конкретики Китая.

Оба выдающихся ученых были членами иезуитского ордена, в чьих коллегиях в Париже, Неаполе и Лионе давалась лучшая китаеведная подготовка в XVII—XVIII вв., и их работы, дошедшие до нас, до сих пор представляют бесспорный интерес.

Первая из них по времени появления — книга, озаглавленная "История китайского императора, представленная Короллю отцом Бувэ, членом общества Иисуса, миссионером в Китае" [2], вышла в Гааге в 1699 г.

Это произведение является характерным памятником французской культуры и французской мысли конца XVII в. Этот факт необходимо учитывать при рассмотрении "Истории..." Бувэ как исторического документа.

Широко известно, что в последние два десятилетия XVII в. Франция переживала сложный период своей истории, что было связано как с внешнеполитической ситуацией, так и с обострением многих противоречий внутри страны. В это время проблемы политического, социального и экономического устройства общества занимают во Франции представителей разных сословий и в разных областях интеллектуальной деятельности. Вопросы божественного происхождения королевской власти, личных качеств, которыми должен обладать монарх, методов управления государством, ставились и обсуждались во всех жанрах религиозной, философской и художественной литературы. Причем в художественной прозе этого времени — где лишь незначительное место занимает роман, а преобладают "сентенции", "Мысли", "Опыты", "Характеристики", — как и во всей литературе в целом, доминирует наставительный, морально-дидактический тон. Этот постоянный морализирующий колорит, характерный для литературы классицизма, связан, как нам известно, с той ролью, которую сыграло в формировании и судьбе этого метода картезианство. С картезианством связан глубокий интерес к моральной сущности человека и роль руководителя человеческих чувств и человеческого разума, возлагаемая на литературу. Поэтому в произведениях этого времени основой содержания является не ход излагаемых событий (их может вообще не быть), но человеческие страсти и характеры, которые и берут на себя сюжетообразующую функцию.

Именно такую картину мы находим в книге Ж. Бувэ "История китайского императора". Автор не стремится изложить последовательно события, происходившие в царствование его героя, а описывает отношение Кан-си к различным событиям, фактам, к министру, к народу, к семье; его поведение в различных ситуациях. Причем сами события и ситуации играют в повествовании лишь служебную роль, а конкретные действия императора в каком-либо конкретном случае служат лишь иллюстрацией к обобщающим утверждениям Бувэ,

например о том, что Кан-си прекрасный семьянин или что он воистину абсолютный и полноправный монарх в своем государстве. Таким образом монах-иезуит Бувэ, пишущий для Людовика XIV отчет о своей деятельности в Китае в 90-х годах XVII века, создает фактически портрет государственного деятеля в той форме, которая была к этому времени разработана во французской литературе.

Послание, адресованное непосредственно королю, носит, хотя и в очень тактичной, завуалированной форме, бесспорно дидактический характер. Это сказывается как в общем одобрительно-восхищенном тоне повествования ("Иезуиты... были восхищены, найдя на краю земли то, что ранее не встречалось нигде, кроме Франции, а именно, Государя, который как Вы, Сир, соединяете [в себе] одаренность столь же возвышенную, сколь незаурядную, с душою еще более достойной царствовать" [3]), так и в приводимых Бувэ примерах, доказывающих мудрость Кан-си как правителя и иллюстрирующих его личные достоинства. В результате создается образ государя, целиком поглощенного заботой о благе своей страны и своих подданных, мудрого и прозорливого в выборе министров и чиновников, умеющего сочетать строгость и милосердие, покровителя наук и искусств, противника изнеженности и излишней роскоши, наконец, заботливого отца и семьянина. Словом, монарха, истинного отца своих подданных, наставляющего их на благо своей мудростью и своим примером.

Вне зависимости от того, насколько созданный Бувэ портрет соответствовал действительным качествам реального Кан-си, необходимо иметь в виду, что это фактически образ идеального монарха, который создавался в то время общественно-политическим сознанием и художественной мыслью Франции. Именно этот портрет (если оставить в стороне некоторые чисто китайские реалии) мы находим, в частности, в двух наиболее знаменитых произведениях художественной прозы этого периода: романах "Приключения Телемака" Фенелона и "Характерах" Лабрюйера [4].

Как мы видим, Бувэ дает идеальную картину осуществления императором Кан-си законодательной, судебной и исполнительной власти. Перед его читателем встает утопическая картина всеобщего послушания, абсолютной безгреховности правителя, волшебного исполнения любых его предначертаний. Представляя определенные проблемы власти короля в Европе, Бувэ описывает окончательное разрешение всех проблем в Китае, хотя, прожив в этой стране многие годы и подробно ее изучив, он не мог не видеть тяжелой ситуации в этой стране в конце XVII века.

Ж. Бувэ был одним из известнейших пекинских иезуитов второй половины XVII века. Много и плодотворно занимался переводами с китайского и маньчжурского языков, картографией. Отличился при

съемке карты Пекина и его окрестностей. Приобрел большую известность, благодаря трудам по истории Китая. Несколько раз выезжал во Францию для корректирования и организации различной помощи иезуитам в Пекине. Являлся доверенным лицом короля Людовика XIV в Пекине.

Для современного историка "История китайского императора" Бувэ интересна в самых различных ракурсах. Устарев сама по себе как исторический труд, эта работа сохраняет свое значение как источник сведений о деятельности иезуитских монахов и их китайских и маньчжурских покровителей.

Бувэ описывает все детали того, как иезуит Вербье вел пропаганду христианства, используя свои блестящие познания в астрономии, что само по себе уже интересно.

На страницах этой книги звучат имена малоизвестных для советских историков пекинских иезуитов — это отцы Сюаре [5], Де Фонтене, ле Конт и Висдалу [6].

Бувэ сообщает здесь интересные факты из дипломатической деятельности иезуитов, находившихся под опекой императора Кан-си. В ходе рассказа о впечатлениях иезуитов, участвовавших в Нерчинских переговорах с Россией в 1689 г. в составе маньчжуро-китайской делегации, Бувэ пишет о чрезвычайном почете, который император велел воздать отцу Гримальди за его поездку в Россию [7]. Это знаменательный и почти неизвестный факт в истории развития русско-китайских дипломатических отношений, из которого следует, что иезуиты были не только переводчиками дипломатических бумаг и присутствовали на переговорах, но и непосредственно были официальными посланниками китайского императора за рубежом. Все это показывает сложность дипломатического положения Китая в конце XVII в.

Свидетельством высочайшей языковой и общей подготовки иезуитов перед отправкой в Среднее государство являются страницы труда Бувэ, на которых он описывает экзамен, устроенный наследным принцем Китая отцом Де Фонтене и Висдалу [8]. Ни один вопрос непосредственно по текстам различных классических книг и комментариев к ним не остался без блестящего развернутого ответа.

В ходе повествования Бувэ рассказывает [9] и о тех сановниках в маньчжурском правительстве Китая, кто всемерно поддерживал французских иезуитов. Он называет имена сановников Со-сана и Мина, которые помогали монахам вести религиозную пропаганду, защищали их во время антихристианских гонений, давали деньги на различные церковные предприятия. Имена этих двух людей впервые зазвучат для советских историков, т. к. до этого не упоминались на страницах исторических исследований по истории Китая.

Наконец, в книге Бувэ передается текст [10] одного из донесений голландских священников из Макао и Пекина в конце 1695 г. Это доклад о ходе проповеднической кампании на территории Китая, во время которой были обращены в христианство шестеро сановников, что для иезуитов было очень важно.

В целом труд Бувэ "История китайского императора" является интереснейшим памятником мирового китаеведения, не потерявшим своей ценности до наших дней. Хотя его автор и был одним из создателей течения фигуризма во французском китаеведении, "История китайского императора" явилась заметным вкладом в разработку истории Китая.

Другой выдающийся французский китаевед, к сожалению еще мало известный в нашей стране, — это иезуит Антуан Гобиль, родившийся в 1689 г. Он вступил в орден Иисуса в 1704 г., в 1722 г. прибыл в Гуанчжоу и вскоре принял китайское имя Сун Цзюньчжун. Умер он в Пекине в 1759 г. Получив серьезную научную подготовку в Неаполе и Париже, это был, по выражению Демьевиля, "крупнейший синолог" XVIII в. и "лучший ум среди французских иезуитов" [11]. Свидетельством неустанных трудов его является сборник писем А. Гобилья в Европу за весь период его пребывания в Китае с 1722 по 1759 гг. Это деловая и научная переписка состоит из трехсот сорока двух сохранившихся писем А. Гобилья, общим объемом более восьмисот страниц типографского текста [1]. Письма, адресованные известным политическим, научным и религиозным деятелям Европы того времени, показывают все стороны активности французской иезуитской миссии в Китае. Часть их представляет автора как ученого, много занимавшегося астрономией, картографией и этнографией. Значительная доля этих писем посвящена миссионерской работе французских иезуитов. В них А. Гобиль выступает церковным иерархом, пропагандистом христианства в Китае. В своих письмах он анализирует процесс распространения христианства в Китае, рассказывает о конкретных случаях из практики миссионеров (12). Показательно, что в его письмах содержится просьба о присылке произведений искусства, посвященных христианской тематике. Гобиль считал, что это облегчит распространение чуждой китайцам европейской религии. Он просил прислать ему изображения апостолов, Св. Иосифа, Мадонны, Св. Иоанна Баптиста, Франциска Ксавье, религиозные книги и др.

Значительный интерес представляют несколько писем, в которых А. Гобиль описывает позицию императора Юн-Чжэна в отношении христианства [13]. Четыре из них издали пекинские исследователи как наиболее показательные и интересные в сборнике, посвященном воспоминаниям европейцев о правлении династии Цин [14]. Данные письма отражают проводимую при Юн-Чжэне политикой Китая

жесткую политику ограничения деятельности китайских христиан и европейских миссионеров. Письма Гобилиа дают представление познания Юн-Чжэна о христианстве и его отношении к нему. Гобиль пишет, что Юн-Чжэн, гораздо менее знакомый с христианством, чем его отец (к тому времени Кан-си скончался), на дворцовых приемах говорил о христианстве очень обидно, приравнивая христианство к догмам сект. Так, на одной из аудиенций — летом 1727 г., когда миссионеры-иезуиты обратились в очередной раз с просьбами, Юн-Чжэн сказал, что если бы он послал в Европу буддийских монахов, то европейские правители их бы выгнали. Юн-Чжэн считал, что его Кан-си обесчестил себя и страну, разрешив строить на китайской земле христианские церкви. Император заявил тогда, что будет бороться с христианством, пока у него будут для этого возможности. Юн-Чжэн указывал миссионерам, что в Китае есть свои вероучения, также обещающие человеку вечное счастье после длительных страданий, что его страна в новой вере абсолютно не нуждается. Гобиль подчеркивает, что Юн-Чжэн разрешил миссионерам находиться только в столице и в Гуаньчжоу, а в провинциях начата настоящая охота на миссионеров.

В это же время в Ватикане и других европейских центрах усилились нападки на иезуитов со стороны Папы и членов разных религиозных орденов из-за их методов распространения христианства.

Весьма значительной была и картографическая работа Гобилиа в Китае. Многие письма в Париж и Петербург посвящены обсуждению карт и топографических каталогов, уточнению или сообщению новых значений долготы и широты для крупных и мелких городов, портов, озер. Часть писем посвящена итогам изучения истории собственно китайской картографии, ее успехов и пробелов. Гобиль руководит практической работой по составлению карт, съемкой на местности, печатанием карт. По всей проделанной работе он пишет подробнейшие отчеты в Европу, высказывает предложения. Главной целью в этой области для него было максимально точное составление карт местности вдоль русско-китайской границы и прохождение самой пограничной линии.

В письмах Гобиль подробно останавливается на описании карты Китая и Маньчжурии, составленной иезуитами в границах от Восточно-Китайского моря до Каспия, с указанием провинций и главных их городов.

Гобилем для Санкт-Петербургской Академии наук были представлены новые вычисления долгот и широт для Алимского острога, Петропавловского порта, Большерецкого острога на Камчатке, а также для горы Айгун. Он значительно развил и переработал проект картографирования всей территории Китая, ранее созданный иезуитами Мойриаком де Майя (1669—1748), Дюгальдом и Гроше [15]. Все это

было выполнением поставленной перед ними руководством иезуитского ордена задачи.

Известные факты участия иезуитов в русско-китайских переговорах 1689 г., вся деятельность иезуитов в Пекине в течение их пребывания там, в том числе и одного из их руководителей — Гобилья, доказывают крайнюю заинтересованность иезуитов в разрешении проблем русско-китайских отношений в своих интересах. Постепенно Гобиль становится прекрасным знатоком России и ее внешней политики на Дальнем Востоке. Он оказывает разностороннюю помощь русским диксьюрерам, а через них и российскому правительству, предоставляет материалы и выполняет работы для Санкт-Петербургской Академии наук. И в 1739 г. Гобиль становится академиком Императорской Санкт-Петербургской Академии наук [15].

Письма, отражающие деятельность Гобилья на дипломатическом поприще, занимают особое место в рассматриваемом источнике. Основное внимание Гобилья и руководимой им миссии здесь уделялось межгосударственным связям по линии Россия—Китай—Франция.

А. Гобиль прожил в Китае большую часть своей жизни, он прекрасно знал китайский и маньчжурский языки. И во время переговоров о взаимоотношениях между Россией и Китаем выполнял обязанности переводчика при правительстве маньчжуров. Из-за обострения проблемы границ в течение периода правления Кан-си, правительство маньчжуров учредило специальное учебное заведение для детей офицеров восьмизнаменных войск, готовящее переводчиков на латинский язык. После смерти жившего там миссионера Парренина Гобиль возглавил эту работу.

В письмах своим руководителям в Рим и Париж А. Гобиль аккуратно и точно указывает даты прибытия в столицу Китая торговых караванов, сроки проводящихся и предполагаемых дипломатических контактов Китая с Россией и другими странами. Гобиль глубоко и всесторонне анализирует дипломатическую тактику русского правительства, делает прогнозы на будущее.

Литература

1. *Gaubil Le P. Antoine S. J. Correspondance Le Pekin. 1722—1759. Genève, 1970. Далее: Гобиль.*
2. *Bouvet P. Y. Histoire de l'Empereur de la Chine, présenté au Roi. Haye, 1699. Далее: Бува.*
3. Бува, с. 6.
4. *Fenelon. Les aventures de Telemaque. Paris, 1920. P. 101 ebc, 185, 252, 280; La Bruyere. Les caractères ou Les mœurs de ce siècle, suivis des Caractères de Théophraste. Paris, 1841. P. 220—227.*

5. Бува, с. 91.
6. Бува, с. 78—85,94.
7. Бува, с. 110—111.
8. Бува, с. 146—149.
9. Бува, с. 152—153.
10. Бува, с. 156—158.
11. Гобиль, с. VII.
12. Гобиль, с. 778—780.
13. Гобиль, с. 92—93, 141—160, 180—186.
14. Циндай сяжень цзяньвань лу. Ду Вэнь-кай пян (Воспоминания европейцев о времени правления династии Цин. Составитель Шэ Вэнь-кай). Пекин, 1985.
15. Фонд Тарановича. ЛО ИВАН АН СССР. Ф. № 102. С. 81—87.